

*В.Д. Шевченко**

ЭПИГРАФ В АМЕРИКАНСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ

Работа посвящена рассмотрению взаимоотношений между эпиграфом и текстом статьи в рамках современной американской публицистики. Предпринята попытка проанализировать, каким образом эпиграф интерпретирует последующий публицистический текст и готовит читателя к его восприятию.

Современная англоязычная публицистика вызывает огромный интерес вследствие разнообразия тематики ее материалов, а также их языковых особенностей. В рамках публицистики достаточно часто приходится иметь дело с паратекстуальными отношениями, когда взаимодействие происходит между текстом статьи и эпиграфом [1].

По мнению И.В. Арнольд, «эпиграф – цитата или изречение, включенные между названием текста и его началом, иносказательно интерпретирующие текст как бы от лица другого автора «другим голосом». Конституирующими признаками эпиграфа являются его диалогичность, интертекстуальность и эстетическая и эйдологическая (идейно-тематическая) функции» [2. С. 8].

Благодаря указанным признакам взаимоотношения между текстом и его эпиграфом представляют большой интерес для нашего исследования, в рамках которого эпиграф рассматривается в качестве фрагмента иного дискурса, влияющего на восприятие и интерпретацию современного принимающего дискурса.

Именно таким фрагментом является эпиграф к статье «**CIVIL WAR BATTLEFIELDS**»; речь в ней идет об опасности, грозящей тем местам, в которых разворачивались основные события Гражданской войны в США: многие из них сейчас отдаются под застройку коммерческими или жилыми объектами. Рассмотрим этот эпиграф, в котором автор цитирует слова одного из генералов:

* © Шевченко В.Д., 2006

Шевченко Вячеслав Дмитриевич – кафедра английской филологии Самарского государственного университета.

«Generations that know us not and that we know not of, heart-drawn to see where and by whom great things suffered and done for them, shall come to this deathless field, to ponder and dream.»

UNION GEN. JOSHUA L. CHAMBERLAIN
(National Geographic, April, 2005, 68-69)

Жанровая принадлежность высказывания, выступающего в роли эпиграфа, не определена, поэтому мы относим этот пример к хронологическому типу интерференции дискурсов. Данная цитата является эксплицитно маркированной, поскольку указан автор высказывания, его воинское звание, и именно благодаря употреблению историзма *Union General* на первый план также выходит хронологическая составляющая фрагмента включенного дискурса.

Хронологический вектор фрагмента включенного исторического дискурса направлен в будущее, поскольку генерал говорит о том, какое значение будут иметь для последующих поколений места, где происходили исторические события. Его слова адресуются этим поколениям, поэтому текст обращен к современной эпохе, ко времени, в котором создан последующий (основной) текст. Главным показателем направленности хронологического вектора является использование в словах генерала простого будущего времени (*Generations that know us not and that we know not of... shall come ...*). Это его предсказание о будущем, которое для современных читателей является настоящим. Таким образом, благодаря выбору в качестве эпиграфа слов генерала, произнесенных вскоре после окончания Гражданской войны, между прошлым и настоящим устанавливаются диалогические отношения [3]. Грамматическим показателем данных диалогических отношений в рассматриваемом случае служит использование времен во взаимодействующих текстах, в частности простого настоящего времени в основном тексте статьи, например, *«I try to carry those sensations with me later in the day as I leave the reenactors' camp and drive some ten miles to the place where the actual Battle of Spotsylvania was fought, but it isn't easy»* (NG 2005, 70).

Отношения между текстом и его эпиграфом можно рассматривать и с позиций герменевтики. Под герменевтикой эпиграфа И.В. Арнольд понимает два аспекта его интерпретации: «Во-первых, он должен быть понят как цитата, как часть прецедентного текста, т.е. интерпретироваться как герменевтический объект, и, во-вторых, он сам интерпретирует текст, которому предшествует, т.е. оказывается субъектом интерпретации» [2.С. 8]. Поскольку в данном случае довольно трудно определить конкретный источник эпиграфа, т.е. прецедентный текст, частью которого он является, мы сконцентрируемся на том, каким образом эпиграф может выступать в качестве субъекта интерпретации последующего текста.

При восприятии эпитафия читатель сразу обращает внимание на такие узловые моменты содержания, как указанные в нем субъекты действия, сами действия, а также некоторые обстоятельства. В рассматриваемом эпитафии субъектами действия являются упоминаемые генералом будущие поколения Америки («*Generations that know us not ...*», «*them*»), а также непосредственные участники событий Гражданской войны, т.е. сам генерал и его сторонники, которые в тексте обозначены следующими языковыми элементами: личными местоимениями в форме номинатива и аккузатива *we* и *us*, а также относительным местоимением *whom*. Упоминаемые в рамках эпитафия действия, которые приписываются будущим поколениям, обозначены в нем посредством следующих глаголов: *to see, come, to ponder and dream*. В рамках эпитафия производимые другими субъектами, т.е. непосредственными участниками тех далеких событий, действия обозначены такими широкозначными лексическими единицами, как «*great things suffered and done for them*». В данном случае конкретизации действий не происходит, но интерпретатор вследствие актуализации соответствующих пластов знаний понимает, что речь здесь идет о Гражданской войне, победа в которой положила начало новому этапу в истории американской нации. Из упоминаемых в тексте эпитафия обстоятельств главным, на наш взгляд, будет являться указание на место (*field*), где происходили некоторые события Гражданской войны.

Знакомясь с эпитафием, читатель сравнивает мир, представляемый текстом эпитафия, со своим собственным «реальным» миром, т.е. миром своего (предполагаемого) конкретного опыта [4. С. 72], которому, в целом, соответствует текст статьи, созданный в современном социокультурном контексте. Несмотря на значимость всех языковых элементов, входящих в состав текста, некоторые из них будут являться, по нашему мнению, основными, «центральными» маркерами мира, представляемого текстом, например вышеупомянутое словосочетание *great things*. Подобные элементы превращают текст в символ культурного контекста, определенного культурно-исторического периода, эпохи [5. С. 75]. Однако для осознания языковых единиц как символов требуется их семантическая интерпретация и рассмотрение взаимоотношений между их семантикой и спецификой культурно-исторического периода, которому принадлежит текст.

Так, посредством широкозначного словосочетания *great things*, обладающего высокой степенью положительной оценки, автором имплицитно подразумевается смысл «*Victory in Civil War*». Экспликация именно этого смысла происходит путем рассмотрения обстоятельственного контекста высказывания (обстоятельственной внетекстовой структуры). Как пишет У. Эко, «обстоятельства коммуникации, которые семиология, не кодифицируя, все же всегда имеет в виду, сами по себе оказываются чем-то вроде референта сообщения, *однако сообщение не указывает на них, но в них разворачивается, осуществляясь в конкретной ситуации*, которая и наделяет сообщение смыслом» [6. С. 89].

По этому поводу Ю.М. Лотман также отмечает, что семантика произведения, его идея «в значительной степени зависит от тех внетекстовых структур, в которые мы вдвигаем текст. Некоторые из этих структур – и они имеют определяющее значение – обладают историко-социальным характером» [7. С. 238]. Дело в том, что для американского общества того времени, в том числе и для говорящего, самым значимым событием являлось окончание войны, победа в которой досталась нелегкой ценой (этот смысл передает, в частности, причастие прошедшего времени *suffered*), поэтому в данном случае происходит экспликация именно этого смысла, благодаря которому указанное словосочетание становится основным маркером иного культурно-исторического периода – мира, представляемого текстом эпиграфа. Как видно, оно оказывается релевантным и для современного социокультурного контекста.

По мнению И.В. Арнольд, сжатость эпиграфа обуславливает его синтезирующую функцию по отношению к основному тексту [2. С. 9]. Синтезирующая функция рассматриваемого эпиграфа состоит в том, что выделенные его элементы являются основными показателями содержащихся в последующем тексте смыслов, о которых эпиграф предварительно сообщает читателю, влияя, таким образом, на его интерпретацию. Другие содержащиеся в тексте эпиграфа смыслы вступают в противоречие со смыслами последующего текста, контрастируют с ними, что является особым приемом автора статьи, который таким образом пытается воздействовать на сознание читателя, противопоставляя в рамках взаимодействующих текстов мнения и события, высказанные и произошедшие в разное время, но вступающие друг в другом в диалогические отношения, поскольку они соприкасаются друг с другом на территории общей темы, общей мысли [3. С. 310].

Выступая в качестве субъекта интерпретации, данный эпиграф информирует читателя, особым образом подготавливает его, указывая на самую важную особенность содержания последующего текста – волнующую его автора тему сохранения для будущих поколений значимых в истории США мест. Так, эпиграф выдвигает на первый план особо важные элементы содержания [2. С. 9], сообщает читателю об авторском отношении к этой проблеме; можно даже предположить, что эпиграф таким образом способствует формированию предвзятого (в данном случае – совпадающего с авторским) мнения у читателя по отношению к фактам, описываемым в последующем тексте статьи.

Одним из лексико-синтаксических средств такого выдвижения является употребленный в эпиграфе эпитет *deathless*, который достаточно экспрессивно выражает отношение говорящего – одного из участников событий Гражданской войны – к этим местам, и, приводя его слова, донося их до современного читателя, автор последующего текста статьи демонстрирует его позицию.

Необходимо отметить, что по мере знакомства с содержанием последующего текста именно данный элемент эпиграфа выходит на первый план, начинает занимать центральное место в процессе интерпретации. Это выдвижение про-

исходит благодаря тому, что он непосредственно связан с основной темой последующего текста статьи. Автор, таким образом, использует мнение участника описываемых исторических событий для воздействия на сознание читателя, убеждения его в своей позиции. Генерал говорит о должном отношении будущих поколений к истории своей страны. Воздействие на читательское сознание с целью формирования именно такого отношения и является основным назначением статьи. Выступая в качестве субъекта интерпретации, эпиграф конкретизирует тему последующего текста, который он интерпретирует, поскольку заголовок не содержит объема информации, достаточного для демонстрации авторской интенции.

Использование автором в качестве эпиграфа данного высказывания союзного генерала указывает на авторскую стратегию, соответствующую постулату категории отношения «не отклоняйся от темы» [8]. На наш взгляд, это также обусловлено тем, что эпиграф вводит основную тему последующего текста статьи.

По нашему мнению, каждый элемент эпиграфа может повлиять на глубину интерпретации последующего текста. Например, посредством такой сложной единицы, как *heart-drawn*, происходит приписывание определенной характеристики будущим поколениям. Использование данной единицы для обозначения отношения будущих поколений к своему наследию обусловлено историческим и событийным контекстом, в котором пребывал автор высказывания. Пережив ужасы войны, он уверен в том, что потомкам будут дороги связанные с ней памятные места, поскольку это было одно из самых значимых событий в истории США, оказавшее влияние на дальнейший ход американской истории, на обретение американской нацией особых духовных ценностей.

Однако именно в этом случае в процессе интерпретации мы сталкиваемся с противоречием между смыслом, содержащимся в эпиграфе, и смыслом, содержащимся в тексте статьи, поскольку в последнем опровергается приписанная генералом характеристика, например, «*Exactly at a moment when Americans seem more interested than ever in finding connections to the wartime past, much of that past is in danger of being lost <...> But Congress never appropriated enough money to buy an entire battlefield – understandably, since no one in decades past imagined that places like central Pennsylvania or the Virginia Piedmont would ever require much protection from development. And so, slowly, some battlefields were lost <...> But the real crisis came in 1988, when a developer bought a large tract of privately held land at Manassas, Virginia, and unveiled plans to build a 1.2-million-square-foot shopping mall directly over the site of the Confederate lines and Lee’s headquarters at the Second Battle of Manassas*» (NG 2005, 70-72).

Приводя факты о современных событиях и их обстоятельствах, автор косвенным образом создает противоречие со словами генерала. Ознакомившись с данными фактами, можно выстроить следующую логическую цепочку: *Most of Americans today are not heart-drawn to see where and by whom great things suf-*

fered and done for them → *consequently some battlefields were lost*. Противоречие состоит в том, что думал о последующих поколениях генерал тогда и что на самом деле происходит в наши дни.

В процессе осмысления содержания современного текста и стоящего за ним фрагмента действительности читатель-интерпретатор постоянно будет мысленно возвращаться к эпиграфу, чтобы проанализировать сегодняшние события сквозь призму событийного и социокультурного контекста высказывания, использованного в качестве эпиграфа (это происходит вследствие взаимодействия текстов). На наш взгляд, это обусловлено тем, что с точкой зрения автора эпиграфа читатель сталкивается еще до знакомства с основным текстом статьи, поэтому по мере дальнейшего «продвижения» она будет занимать как бы доминирующее положение, оказывая влияние на читательскую оценку на протяжении всего анализа.

Рассматриваемый пример также представляет интерес благодаря авторской стратегии использования образных средств. В нем, как уже отмечалось, в соответствии с авторской интенцией прошлое и настоящее постоянно вступают в диалог через фрагменты своих дискурсов, причем автором с целью представления разных ситуаций, относящихся к прошлому и настоящему, используются одинаковые языковые образные средства, в частности метафора, например, «*D.H. Hill, a Confederate general, looked out that window at the Yankees coming up the hill like a long blue snake and said he felt like the loneliest guy in the world.*” *By the 1990s the suburbs of Washington were also creeping, snakelike, toward the battlefield*» (NG 2005, 72). В данном случае метафорически сравниваются две ситуации: подход колонны войск противника vs постепенная застройка памятных мест пригородными кварталами. На наш взгляд, этот пример следует рассматривать, приняв во внимание следующие признаки лексической метафоры: отождествление на фоне различий, одновременное присутствие признаков обоих объектов в метафорическом обозначении и описание одного объекта через признак / признаки другого, за счет чего исходный объект видится в новом ракурсе [9. С. 134].

Отождествление в первом высказывании базируется на наличии такого пространственного признака другого объекта, как форма и длина (колонны), напоминающие тело змеи – пресмыкающегося, которое в европейском сознании ассоциируется с опасностью. Во втором высказывании признаками другого объекта, послужившими основой для экспрессивного образного сравнения, являются способ и скорость передвижения пресмыкающегося, которые отождествляются со скоростью застройки памятных мест пригородными кварталами.

На наш взгляд, выбор автором одного и того же образа для представления разных ситуаций позволяет читателю легче установить связь между прошлым и настоящим, между двумя разными ситуациями, которые оказываются соположенными благодаря имплицитно реализуемому концепту «угроза». Выбран-

ный образ также облегчает установление связей между событийными, социокультурными и т.п. контекстами взаимодействующих текстов эпитафия и статьи, т.е. между различными интерферирующими дискурсами.

Поскольку содержание статьи в значительной степени связано с темой войны, в тексте, посвященном описанию современной действительности, также используются средства, относящиеся к ассоциативно-семантическому полю «война», т.е. совокупности лексических и фразеологических средств, которые прямо или косвенно воплощают образ войны [10]. Например, события, связанные с сохранением памятных мест, а также предпринимаемые активистами шаги представляются автором в образе военных действий: «*Places that were at the front lines 140 years ago – Manassas, Antietam, Gettysburg – are at the front lines again today <...> As president of the Civil War Preservation Trust, Lighthizer has become adept at fighting many foes on many fronts all at once <...> These days, Lighthizer says, the trust is fighting in several dozen different places, a list that reads like a regimental roster – Morris Island, Franklin, Gettysburg, Harpers Ferry, Gaines' Mill. But it's a war that won't last forever <...> In both cases the preservation side used nimble battle tactics that might have made Lee himself proud*» (NG 2005, 70-75).

Лексико-фразеологическими средствами, эксплицирующими образ войны, здесь являются следующие: **front lines, to fight many foes on many fronts, regimental roster, battle tactics** и, наконец, **war**. Как видно из вышеприведенного примера, реальные события и ситуации прошлого становятся источником тропов, посредством которых осмысливаются связанные с ними события и факты современной действительности.

С нашей точки зрения, рассматриваемый эпитафия по отношению к последующему тексту выполняет эйдологическую (идейно-тематическую) функцию, поскольку его основная идея заставляет читателей задуматься о сохранении памятных мест, в которых разворачивались трагические события, послужившие, тем не менее, началом нового этапа в истории американской нации. Этой идеей пронизан весь последующий текст статьи.

Библиографический список

1. Genette, G. Palimpsestes: La littérature au second degré / G. Genette. – P., 1982.
2. Арнольд, И.В. Герменевтика эпитафия / И.В. Арнольд // Слово – высказывание – дискурс: международный сборник научных статей / под ред. А.А. Харьковской. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2004. – С. 8-15.
3. Бахтин, М.М. Проблема речевых жанров / М.М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – 2-е изд. – М.: Искусство, 1986. – С. 250-296.
4. Eco, U. The Role of the Reader. Explorations in the Semiotics of Texts / U. Eco. – Bloomington, University of Indiana Press, 1979; Эко, У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / У. Эко; пер. с англ. и итал. С.Д. Серебряного. – СПб.: Симпозиум, 2005. – 502 с.

5. Варшавская, А.И. Внешние связи текста / А.И. Варшавская, Н.Б. Мальцева // Диалектика текста: в 2 т. – Т. 2 / А.В. Зеленщиков, О.В. Емельянова, Л.П. Чахоян и др.; отв. ред. проф. А.И. Варшавская. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2003. – С. 74-90.
6. Eco, U. *La struttura assente. Introduzione alla ricerca semiologica* / U. Eco. – Milano, Bompiani, 1968. Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко; пер. с итал. В.Г. Резник и А.Г. Погоняйло. – СПб.: Симпозиум, 2004. – 544 с.
7. Лотман, Ю.М. Лекции по структуральной поэтике / Ю.М. Лотман // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. – М.: Гнозис, 1994. – С. 11-263.
8. Grice, H.P. *Logic and Conversation* / H.P. Grice // *Syntax and Semantics*. – Vol. 3: *Speech Acts*. – New York: Academic Press, 1975. – P. 41-58.
9. Масленникова, А.А. Лингвистическая интерпретация скрытых смыслов / А.А. Масленникова. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. – 264 с.
10. Илюхина, Н.А. Образ в лексико-семантическом аспекте / Н.А. Илюхина. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 1998. – 204 с.

V.D. Shevchenko

EPIGRAPH IN THE AMERICAN MEDIA DISCOURSE

The paper studies the interrelations between an epigraph and a text of an article within a framework of the modern American media discourse. The research is aimed at analyzing by what means an epigraph interprets the following media text and influences reader's perception of it.